

КЛОНЫ В РАЮ

зрители приглашаются на «Остров»

АНТОН ДОЛИН

Можно заниматься самообманом, называя «Остров» долгожданным и заведомо кассовым проектом, — на самом деле очевидно, что от фильма, скромно (мягко говоря) прошедшего в американском прокате и выпускаемого у нас в начале августа, прокатчики ничего не ждут. И напрасно: признанный спец по блокбастерам Майкл Бэй выпустил самый неожиданный фильм за всю свою карьеру.

Вряд ли легко подыскать логическое объяснение этому феномену, но факт: для нас, зрителей рубежей столетий, с годами не теряет своей привлекательности изобретенный еще Рабле и Свифтом жанр антиутопии. Смотря фильм, действие которого происходит в близком будущем, а персонажи вольно или невольно подчиняются давлению тоталитарной системы, испытываешь что-то вроде радостного трепета. И даже осознание вторичности увиденного (ибо набор моделей тоталитарного общества будущего исчерпаем) не лишает тебя удовольствия. В том ли дело, что мы ощущаем себя не в пример свободнее, или, напротив, в мазохистском предвкушении чего-то подобного, или в сатирических параллелях с окружающей действительностью, неизвестно. Мир «Острова» — идеально белоснежная вселенная, защищенная от безнадежно зараженного внешнего пространства. Все тут ходят в чистой одежде и питаются здоровой едой, секс — в отличие от планового производства потомства — под запретом. Следят за порядком врачи и внушительных габаритов медбратья. Мечты каждого связаны лишь с одним: выиграть в лотерею и оказаться в

числе счастливых, отправляемых на Остров, — последний райский уголок, не тронутый заражением.

Разумеется, со временем выясняется, что Остров — лишь эфемизм для загробной жизни. Узнает об этом не похожий на других пылкий гражданин по имени Линкольн Шесть Эхо. Все по антиутопическим канонам: и тебе «Мы», и «1984», а если вспомнить кино, то и «Бразилия», и «Матрица». Если отвлечься от интриги и говорить о жанре, то в этом отношении «Остров» ближе всего к умным фантастическим блокбастерам: «Бегущему по лезвию бритвы», «Вспомнить все» и недавнему «Особому мнению». Все три были поставлены по книгам великого Филипа К. Дика, что позволяет сделать комплимент Каспиену Тредвеллу-Оуэну, автору оригинального сценария «Острова», — компиляция у него вышла высококлассная. Но больше всего его изобретения, воплощенные в жизнь техничным и энергичным Майклом Бэем, напоминают о фильмах Джорджа Лукаса. И не только потому, что исполнитель главной роли Эван (или же Юэн) Макгрегор играл центральную роль в трех последних «Звездных войнах».

В дебютном и, возможно, лучшим своем фильме, «ТНХ 1138», Лукас показал стерильный мир будущего, где нет ни индивидуальности, ни секса, ни надежды освободиться из-под присмотра вежливых докторов. Между прочим, дело было за четыре года до «Полета над гнездом кукушки» Милоша Формана, в 1971-м. В «Острове» перед нами точно та же схема — только остроумно перевернутая. Человечество Лукаса было подсажено на медикаменты, а в версии Бэя оно одержимо идеей здоровья. Характерный перепад, замеченный еще Брэтом Истоном Эллисом: фитнес может свести с ума не хуже самых мощных наркотиков. Тем паче, что подоплека всего, что мы видим в «Острове», как выясняется, вполне реалистичная. Оказывается, его герои — клоны, «изделия», выращиваемые ради замены больных органов реально существующих людей. Стоит ли напоминать, что развитие технологий клонирования в последние годы связано именно с этой задачей?

Тут возникает еще одна неизбежная параллель с Лукасом: в финале «Острова» мы видим не что иное, как атаку клонов. Только Майкл Бэй ничего не имеет против клонов — более того,

считает, что у них, невинных душ, в сравнении с грешными людьми есть право на выживание. Проблематику равенства людей и клонов можно было бы счесть преждевременной. Однако то, как часто клоны стали появляться на страницах книг и на экране (и наше кино, и наша литература не в стороне, благодаря Илье Хржановскому и Владимиру Сорокину), свидетельствует об обратном. Исследователи так называемой «новой искренности» отмечают, что технологиям повсеместной штамповки режиссер Бэй противопоставляет своеобразный «новый гуманизм». Как в недавней «Земле мертвых» Джордж Ромеро уравнивал с живыми людьми бесправных мертвецов-зомби, так Бэй заявляет о праве клона на жизнь, мысль, любовь и т.д.

Это уже не совсем кино, а что-то близкое к проповеди. Устами самого обаятельного персонажа «Острова», исполненного несравненным Стивом Бушеми, Бэй дает одно из лучших определений Бога за последние годы: «Помнишь, когда тебе чего-то очень хочется, ты закрываешь глаза и просишь об этом? Так вот, Бог — это тот, кто не отвечает на просьбу». Однако обманчивый тропический рай (тоже, конечно, не самостоятельный, по-

заимствованный из «Платформы» Мишеля Уэльбека и «Пляжа» Алекса Гарленда и Дэнни Бойла), как и следовало ожидать, в финале явится воочию.

В хеппи-энде впору усмотреть гнусную голливудскую клюкву — но не обязательно. С тем же успехом можно воспринять это как символ отпуска, который устроил себе режиссер Майкл Бэй. Ведь «Остров» — еще и тотальная пародия на Голливуд, из которого молодые одаренные актеры вроде исполнителей главных ролей — Макгрегора и все более кукольной красоты Скарлетт Йоханссон — постоянно пытаются убежать. В «Острове» одаренный Бэй сам впервые освободился от гнета всемогущего продюсера Джерри Брукхаймера, под шефством которого он сделал «Скалу», «Армагеддон» и «Перл-Харбор». Атавистическая память клона, конечно, заставляет Бэя время от времени ударяться в чистый экшн и забывать о правдоподобию, но это ему можно простить. «Островом» он не умножил ни свою славу, ни капитал — зато смог, наверное, насладиться провальным прокатом на родине клонов, в Америке, и почувствовать себя не фабрикантом грез, а творческой единицей. То есть нормальным человеком.